

004605767

На правах рукописи

Шмаина-Великанова Анна Ильинична

КНИГА РУФИ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Специальность 24.00.01 — Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

24 ИЮН 2010

МОСКВА 2010

Работа выполнена в Учебно-научном центре изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Евгений Борисович Рашковский

кандидат филологических наук,
Михаил Георгиевич Селезнев

Ведущая организация Институт востоковедения РАН

Защита состоится 21 июня 2010 г. в 14 часов на заседании совета Д
212.198.06 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Российском
государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3,
Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского
государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан "16" мая 2010 г.

Ученый секретарь совета
канд. культурологии

Л.Кратасюк

Е.Г.Лапина-Кратасюк.

1. Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Историко-культурное исследование Библии в течение многих десятилетий не развивалось в отечественной науке. Это в некотором смысле обрекает на актуальность любую отечественную работу по библеистике¹. Что же касается контекста мировой библеистики, то эта область знания по необходимости является местом встречи самых разных дисциплин. Междисциплинарность была ее уделом и тогда, когда такого понятия еще не существовало, но только в относительно недавние десятилетия мировая библеистика приобрела культурологическое измерение.

В нашей работе Книга Руфи предстает как объект исторической культурологии. Анализируя ее внутреннюю парадоксальность и парадоксальность ее присутствия в каноне Священного Писания, мы, с одной стороны, осуществляем реконструктивное моделирование исторической социо-культурной ситуации, в которой она была создана, а с другой, в рамках так называемой "культурогенетики" мы строим модель процесса порождения вымысла в рамках сакрального текста. Происхождение искусства и вообще дифференциацию видов культурной деятельности, как правило, относят к началу человеческой истории. Между тем, в разных культурах такая дифференциация происходит в разной мере для разных видов искусства и в разные исторические периоды. Работа затрагивает проблему возникновения повествовательной прозы, явления стадийно позднего. Парадоксальным образом вымысел рождается там, где ему, казалось бы, не место: в сакральном тексте, истинность которого не обсуждается.

Объектом исследования является раздел Священного Писания, так называемая "литература мудрости" (или "письменность мудрых Израиля"), в центре которой в нашем рассмотрении находится Книга Руфи, на фоне других книг Танаха и Греческой Библии. Литература мудрости создавалась постепенно в эпоху Вавилонского пленения и Второго храма. Из произведений, входящих в канон Танаха, к ней в узком смысле относят Книгу Иова, Книгу Притчей Соломоновых и Книгу Екклесиаста. В христианской Библии к ним добавляют Книгу Премудрости Соломона и Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова.

¹ Помимо Синодального перевода Книги Руфи, существует несколько переводов, снабженных небольшими введениями и очень краткими примечаниями: Книга Руфь, перевел с древнееврейского Абрам Эфрос. Гравюры В.Фаворского. Москва: Издательство М. и С.Сабашниковых, МСМХХV. [факсимильное издание, М.: Фортуна лимитед, 2002] – 88 с.; Книга Руфь. Пер. И.Брагинского // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худлит., 1973: 557-563; Книга Рут. – Перевод, предисловие и комментарий Э.Г.Юнца // Мир Библии, 5 (1998). – С. 60-67; Библейские сюжеты: Песнь песней Соломона. Книга Руфи / Пер. протоиерея Леонида Грилихеса; рисунки Ирины Старженецкой; каллиграфия Анатолия Комелина. Предваряя Евангелие. Воскресение / Рисунки Ирины Старженецкой; каллиграфия Анатолия Комелина. – Москва: М-Сканрус, 2009. – 76 с. Что же касается исследований, то мы можем назвать только несколько очень важных страниц, посвященных интертекстуальным проблемам Книги Руфи на фоне других книг Еврейской Библии, в работе: А.С.Десницкий. Поэтика библейского параллелизма. - М.: ББИ, 2007: 248-256.

Однако принято добавлять к ним и Псалтирь и Книгу Песни Песней Соломона. Что касается Книги Руфи, Книги Есфири или Книги Ионы и еще нескольких книг, то они, формально не входя в этот перечень, несомненно созданы в кругу "мудрых Израиля". В нашем исследовании мы посвящаем особый раздел переключениям между Книгой Руфи и литературой мудрости, особенностью которой является то, что она занята размышлениями о выборе правильного жизненного пути. Умение выбрать правильный жизненный путь отождествляется с Премудростью или, во всяком случае, представляется как ее дар. Нередко поиск мудрости выглядит в этих сочинениях настолько личным, что Премудрость, Хохма, персонифицируется и обретает женское лицо.

Предметом исследования являются связь между концептом божественной Премудрости и возникновением в рамках Танаха художественной прозы.

Как нам представляется, автор Книги Руфи (далее - КР), быть может, впервые в мировой словесности, поставил себе задачу изобразить не семейную любовь и верность или иную родовым или социальным образом обусловленную добродетель, а *хесед*² в чистом виде, то есть то отношение человека к человеку, которое Библия усваивает Богу. Для этого в центр автор поставил отношения бывшей невестки и бывшей свекрови и описал их как любовь и верность до смерти и после нее. Как это в обычае у авторов библейских повествований, он не сделал ни одного заявления общего характера. Поэтому он, как показано в диссертационном исследовании, с необыкновенной тщательностью отобрал слова для этого небольшого сочинения и создал идеально гармоничную композицию. В смысле разработки интриги совершил чудо, написав остросюжетное произведение без отрицательных персонажей, т.е. неосознанно создал подлинный шедевр повествовательной прозы. Как явствует из КР, ее автор был глубоким знатоком всех существовавших в его время библейских текстов, а его задача непосредственно вытекала из его и не только его мировоззрения. В этой повести проявились тенденции нарождающейся мистики мудрых, очень новой и одновременно укорененной в древнейших мифах Востока. Мы рассматриваем создание КР как образец или модель возникновения прозы в условиях, когда института художественной литературы не существует. Символическая повесть есть ответ на определенную ситуацию, и мы рассматриваем произведения близкие КР в литературе Второго Храма и Греческой Библии, как возникающие в подобной пограничной ситуации и разрешающие ее особым, только искусству присущим способом изъяснять невыразимое.

² Хесед передается по-русски очень по-разному в зависимости от контекста – *верность, милость, добро, любовь*; поэтому мы оставляем это важнейшее библейское понятие без перевода.

Вместе с тем эти произведения возникали уже на фоне пусть незаметного, но неизменного присутствия КР среди сочинений эпохи Второго храма, а возможно и в храмовом богослужении на Пятидесятницу. Поэтому можно говорить не только о типологии культурного генезиса символического повествования, но и о влиянии КР на литературу Второго храма и Греческую Библию. Греческая Библия рано или поздно, и, возможно, гораздо раньше, чем принято было до недавнего времени думать, стала достоянием ойкумены. Поэтому возможно, что от КР тянется нить к тем сочинениям, где речь заходит о человеческих отношениях, не объяснимых даже с точки зрения авторов этих сочинений, то есть к возникновению европейского романа.

Цель исследования – показать, что в КР рассказана не житейская история, пусть и с важным мессианским подтекстом, но что она представляет собой символическое повествование о Премудрости. Поэтический образ Книги Притч автор КР превращает в сюжет о божественном *хеседе* в отношениях между людьми, при этом божественная Премудрость в человеческой жизни предстает как безумие, как парадоксальное поведение персонажей. Персонификация Премудрости, Премудрость как женщина, хорошо изучена, этот образ отличает литературу мудрости. Удивительная и до сих пор неосознанная новизна автора КР состоит в том, что он персонифицировал Премудрость не в одном, а в двух женских образах и, что еще важнее, не в каждой из них, а в отношениях между ними.

Мы показываем, что для осуществления этого замысла автор КР создал литературный аналог мифологического архетипа, то, что мы назвали «вторичным архетипом», и таким образом ввел в литературу *сюжет удочерения*.

Задачи работы. Для осуществления цели нашего исследования мы решаем ряд задач:

1. Определить, с какими проблемами сталкивались при толковании и изучении КР экзегеты и ученые. Это текстологические проблемы, прежде всего проблема единства книги, проблемы размещения КР в каноне, поскольку в разное время и в разных канонах она оказывается в четырех разных местах, и, наконец, проблема самого существования КР в каноне Священного Писания, которая волновала сначала еврейских и христианских экзегетов, а затем и ученых-библеистов вплоть до настоящего времени.

2. Показать, как в отдельных эпизодах повествовательных частей Танаха возникают сюжетные ходы и образы, предвосхищающие КР и, возможно, повлиявшие на нее, а в других частях Танаха, датировка которых затруднена, возникает переключки с КР, указывающая на какие-то идейные связи.

3. Продемонстрировать скрытую за художественным совершенством и привычностью канонической книги парадоксальность, присущую КР на всех уровнях от сюжетно-событийного до стилистического и грамматического.

4. Исходя из предположений об устном бытовании предания, предшествующего созданию литературного произведения, рассмотреть образы и мотивы КР в фольклористической и мифологической перспективе и попытаться установить связь между этими фольклорными и мифологическими мотивами и мистикой Премудрости.

5. Показать, как в эпоху Второго Храма те особенности КР, о которых говорилось выше, повлияли на возникновение в рамках Греческой Библии прозаических сочинений новеллистического или «романного» характера.

Теоретические и методологические основания исследования. Исследование библейского текста как произведения искусства по необходимости является междисциплинарным. В нем использованы методы современной библейской критики и текстологии, сравнительной мифологии, фольклористики и культурологии: методы структурного, филологического и лингво-стилистического анализа.

Источники. Описание источников, используемых в нашей работе, представляет определенные трудности. Они чрезвычайно многообразны, и некоторые из них, например, раввинистические источники, достигают гигантского размера, и с принятой в европейской науке точки зрения никак не систематизированы. Для удобства описания мы условно подразделяем наши источники на несколько групп.

Библейские тексты привлекаются к рассмотрению как на языке оригинала, так и в древних переводах, которые доносят до нас важные разночтения. Для Еврейской Библии (Танах) используется *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, для КР - так называемая "Квинта", то есть последнее научное издание BHS - плод многолетних трудов мировой текстологии³. Для Септуагинты (LXX) и вообще Греческой Библии используется классическое издание Ральфа, а также новейшее Геттингенское издание⁴; Латинские переводы Библии привлекаются как в варианте *Vetus Latina*, так и *Vulgata*⁵. Русский Синодальный перевод Библии используется нами в цитатах, за исключением тех случаев, когда нам необходим

³ *Biblia Hebraica. Quinta editio cum apparatu critico novis curis elaborato. General Introduction and Megilloth. Ruth, Canticles, Qoheleth, Lamentations, Esther* / Schenker, A., Goldman, Y.A.P., van der Kooij, A., Norton, G.J., Pisano, S., de Waard, J., Weis, R.D., (éd.). – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2004. – 96 p., 168 p.; *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. – Ed. by K. Elliger; W. Rudolph et al. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1990. – 1573p.

⁴ *Das Buch Ruth, griechisch: als Probe einer kritischen Handausgabe der Septuaginta*. – Hrsg. von Alfred Rahlfs. – Stuttgart: Privileg. Würt. Bibelanstalt, 1922. – 28 p.; *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum*. 4, 3, *Ruth* / Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum; edidit Udo Quast // *Biblia graece. Vetus Testamentum*. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. – 208 p.

⁵ *Vetus Latina: Die Reste der Altlateinischen Bibel, 4/5 Ruth*. – Ed. by Gesche, Bonifatia, Freiburg: Verlag Herder, 2005. – 83p.

более точный перевод; в этих случаях мы даем собственный перевод, не оговаривая отличий. Из электронных баз данных по библеистике нами использовались: Bible Works 7, Old Testament Greek Pseudepigrapha, The Parallel Aligned Hebrew-Aramaic and Greek Texts of Jewish Scripture.

Раввинистическая литература представлена некоторыми трактатами Мишны, Вавилонским и Иерусалимским Талмудами⁶; а также арамейским распространенным переводом КР – Таргум Рут⁷, аггадическими Мидрашами: Рут Рабба и Рут Зута⁸. Кроме того, привлекались классические еврейские комментарии Библии (Микраот Гедолот), в частности в электронном виде⁹. Из электронных баз нами использовалась также Judaica Classics Literature.

Патристические комментарии на КР использовались нами в изданиях Латинской и Греческой патрологий Ж.-П. Минья¹⁰, в более современном и продолжающемся издании Sources Chrétiennes, достигшем уже 500 томов, а также в отдельных изданиях. Кроме того, нами использовались электронные базы данных, а именно TLG E - textes grecs chrétiens et profanes; LLT-A и B (Library of Latin Texts) - textes latins chrétiens; VLD - Vetus Latina Database (Brepols), а также сетевой ресурс Biblindex, который позволяет обнаруживать использование библейского текста в иудейской и христианской литературе поздней античности и Средних веков (<http://www.biblindex.mom.fr/>).

Для сравнительного анализа нами привлекался мировой фольклор и мифология, для чего, помимо отдельных изданий корпусов мифов и сказок, нами использовались указатели прежде всего сказочных сюжетов Аарне-Томпсона и фольклорных мотивов Томпсона, энциклопедия сказок и другие издания¹¹.

⁶ Judaica Classics Library II: The Soncino Talmud. - Soncino Press, 1990. - Institute for Computers in Jewish Life. Davka Corporation, and Judaica Press. 1991-2001. [электронный ресурс]

⁷ Bible. Ruth. English: Targum. - The Targum of Ruth. - Translated, with introduction, apparatus, and notes by D.R.G. Beattie. - The Targum of Chronicles. - Translated, with introduction, apparatus, and notes by J. Stanley McIvor. - Edinburgh: T. & T. Clark, 1994. - 258p.; Levine, Élane. The aramaic version of Ruth. - Roma: Biblical Institute Press, 1973. - 146 p.

⁸ Beattie, Derek Robert George. Jewish exegesis of the Book of Ruth. - JSOTSup, 2. - Sheffield: Department of Biblical Studies, University of Sheffield, 1977. - 251 p.

⁹ Torah CD-Rom Library. - Taklitor Torani Version 2.4. - Brooklyn, NY: DBS International Corp., 2001 [электронный ресурс]

¹⁰ Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca. - Ed. J.P. Migne. Paris, 1857-1866. - Vol. 1-161; Patrologiae Cursus Completus, Series Latina. Acc. - Ed. J.P. Migne. Paris, 1844—1855. - Vol. 1-217.

¹¹ Thompson, Stith, Motif-index of folk literature: a classification of narrative elements in folk tales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. - Bloomington (IN): Indiana University Press, 1993 и Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне // Гос. Русск. географ. общество. Отд. этнографии. Сказочная комиссия. Л.: изд. Гос. Русск. географ. Общества, 1929; Enzyklopädie des Märchens : Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Band 1, [Aarne, Antti Amatus - Bayerischer Hiasl] / herausgegeben von Kurt Ranke zusammen mit Hermann Bausinger ... [et al.]. d: Berlin : de Gruyter, 1975-1977.

Помимо собственно источников в нашей работе использовано значительное число научных переводов на современные европейские языки и комментариев к библейским книгам, в первую очередь из серии Anchor Bible Commentary, Continental Commentary, Hermeneia и др, которые приведены в разделе Библиографии: Источники, комментарии и переводы.

Степень изученности. Описать степень изученности предмета нашего исследования так же сложно, как и кратко охарактеризовать его источники. С одной стороны, КР находится в каноне Священного Писания иудеев и христиан, и этому Писанию посвящено больше толкований и исследований, чем какому-нибудь другому памятнику древней или новой культуры. Поэтому книг и статей, посвященных исключительно КР только в XX в. вышло несколько тысяч. С другой стороны, ввиду той парадоксальности КР, которой собственно посвящена наша работа, некоторые историко-культурные аспекты ее интерпретации остались совершенно не затронутыми¹².

В частности, к разработанным в науке, но важным и для нас вопросам относится попытка понять, с какой целью создана КР или с какой целью она помещена в оба канона Священного Писания.

Здесь мы бы хотели обобщить результаты исследования КР и свести к нескольким основным гипотезам, назвав первых, кто их высказал, или главных их поборников:

1. Наиболее традиционная и почтенная по возрасту гипотеза, однако, как и все, о которых пойдет речь, актуальная и в наше время, видит основную цель КР в том, чтобы прославить династию Давида. Лучший из возможных царей имел и лучших из возможных прадеда и прабабку (Э.Ройс; К. Рудольф; Дж. Кемпелл).
2. Другое историческое предположение, имеющее в наше время больше сторонников: КР написана, чтобы объяснить скандальный факт – моавитское происхождение царя Давида (К. Будде; А. Бертоле).
3. Предположение тоже одновременно и почтенное, т.е. древнее, и одно из самых популярных, если не самое популярное: КР написана как протест против того отношения к чужеземным женам, которое выражено в Книгах Ездры и Неемии (Ю. Вельхаузен; Г. Гункель; А. Лакок).
4. В зависимости от датировки допленным или послеленным периодом эта гипотеза формулируется немного по-разному, но суть остается одной: КР написана, чтобы подчеркнуть важность священного обычая левиратного брака,

¹² Мы посвящаем отдельную главу диссертации истории толкования и изучения КР; см. краткое изложение ниже.

обеспечивающего единства рода, надела земли и Завета с Богом Израиля (Л. Бертольд; М. Бернстайн).

Первые две точки зрения можно поименовать историческими, а вторые – связанными с религиозно-юридической проблематикой.

5. КР написана, чтобы рассказать историю образцового прозелитизма: даже моавитянка может стать прабабкой царя Давида, если обратится в веру Израиля (Д. Битти; Я. Закович).

6. КР – это история о божественном Провидении: Бог в ней не появляется, не действует через посредника – ангела или пророка, не является объектом культа – нет ни храмов, ни священников, – и тем не менее, действуя через поступки героев и цепь удивительных совпадений, Бог осуществляет свой план (П. Жуон; Р. Грант).

7. Также одно из самых популярных современных объяснений: КР – это история идеальной семейной верности и преданности, *хесэда* (Р. Хаббард; И. Фишер).

8. Конфессионально определенные исследователи добавляют к этому слова о божественной награде, венчающей такую верность, а конфессионально нейтральные предпочитают говорить о важности семейных ценностей для родового общества и порожденной им литературы «саги» и «сказки» (Дж. Сассон).

Научная новизна.

До настоящего времени КР никогда не изучалась комплексно с историко-культурной точки зрения и никогда не рассматривалась как возможная порождающая модель возникновения прозаического повествования, то есть культурно-генетически. Нами впервые предпринята попытка подобной интерпретации, которая может быть распространена в том числе на другие библейские книги. Это позволяет по-новому взглянуть на культуuroобразующую роль Библии как события в европейской истории.

Нами впервые проведено сопоставление КР с целым рядом предшествующих или современных ей книг Танаха, а именно Книги пророка Осии, различных эпизодов Книг Царств. Также нами впервые проведен комплексный фольклорно-мифологический анализ КР не в связи с каким-нибудь одним египетским, месопотамским или древнегреческим мифом, а в контексте более широкого мирового мифологического тезауруса. В ходе этого анализа нами обнаружена такая необычная вещь, как *отсутствие* в мифах и сказках сюжета КР, а именно такого, где героинями были бы две вдовы, что, по нашему мнению,

свидетельствует о том, что КР может рассматриваться как «мост» между мифом и литературой.

Нами впервые проведено сопоставление КР с Греческой Библией (ранее из всех романоподобных сочинений Греческой Библии с КР сопоставляли только Книгу Есфири). Последовательное сопоставление КР с Товитом, Есфирью, Иудифью и апокрифом «Иосиф и Асенеф» и привело нас к выводу о значительном влиянии КР на возникновение в собственном смысле литературных произведений внутри Библии, а возможно и вне ее. Исходя из этого мы предполагаем, что постоянное присутствие в круге чтения образованной Европы КР дало толчок к возникновению прозаической повести.

Помимо этого, нами впервые проведен обзор всех христианских толкований КР и сопоставление их с традицией еврейской экзегезы, а также дан краткий, но систематический обзор истории изучения КР в мировой библеистике. Смену научных парадигм в изучении КР, как и увеличение числа соперничающих точек зрения, мы связываем не только с внутринаучными обстоятельствами, но и с историческими событиями XX в.

На защиту выдвигаются следующие положения, впервые сформулированные автором настоящего диссертационного исследования.

1. В хорошо изученном концепте библейского *хесед* мы различаем, помимо *хесед*, который проявляют Бог к человеку, человек к Богу или человек к человеку, также божественный *хесед*, который человек проявляет к человеку. Под божественным *хеседом* в человеческих отношениях мы понимаем самоотверженную любовь, которую проявляют к постороннему, незнакомому или враждебному человеку.

2. Мы полагаем, что божественный *хесед* в человеческих отношениях библейские авторы, возможно и пророки, но главным образом «мудрые Израиля», описывали как Премудрость.

3. В Притчах или в Псалмах о божественной Премудрости часто говорят непосредственно. Мы полагаем, что в повествовательных частях Библии речь тоже часто заходит о ней, но не в виде доктринальных высказываний, а чаще всего в виде описания особых взаимоотношений между героями. КР целиком посвящена воплощению образа Премудрости, и не в каком-либо отдельном персонаже, а во всех героях повести и их взаимоотношениях, более всего в отношениях двух главных героинь.

4. Мы полагаем, что задача воплощения божественного *хесед* в системе персонажей, сюжета и художественных средств изоморфна задаче создания художественного произведения по признаку «невыразимости», во всяком случае, повествовательной прозы, и относим жанр КР к тому роду, который нам представляется

разумным назвать «символической повестью». Под этим мы понимаем нечто равноудаленное от описанного с той или иной степенью художественной выразительности исторического или жизненного факта и шифрующего аллегорического вымысла, который без понимания ключа нелеп или неинтересен.

Научно-практическая значимость исследования.

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по истории иудаизма, введению в Ветхий Завет и специальных курсах по библеистике. Благодаря сравнительному и историко-культурному подходу к КР и к Библии в целом они могут быть использованы также в курсах более общего характера по теории и истории культуры. В дальнейшем это исследование может быть расширено и разработанные методы применены к изучению роли основополагающих священных текстов, ритуалов или сакральных предметов в возникновении искусства как особой области человеческой деятельности.

Помимо этого, в приложении к диссертации нами сделан перевод КР, сопровождаемый первым на русском языке пословным аналитическим комментарием. Этот комментарий может быть использован в качестве учебного пособия, а также послужить подспорьем в научных исследованиях, или быть интересен широкому кругу читателей.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании Учебно-научного Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета. Часть идей и выводов диссертации

отражены в опубликованных автором работах, список которых приведен в конце автореферата;

были представлены в качестве докладов на нескольких международных конференциях в 2007-2009 году;

использованы в рамках семинара по углубленному чтению Танаха, проводимого в 2000 – 2010 учебных годах со студентами специальности «Религиоведение» Российского государственного гуманитарного университета.

Книга, написанная по материалам диссертационного исследования, принята к публикации Редакционным советом Издательства РГГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, приложений и дифференцированной библиографии.

II. Основное содержание диссертационного исследования.

Во Введении определены цель, задачи и проблема исследования, указана степень ее изученности и научной актуальности, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая. Проблемы изучения Книги Руфи. Глава посвящена обзору текстологических проблем изучения КР, анализу проблемы единства текста, истории еврейской и христианской экзегезы КР и истории ее изучения. Глава завершается изложением современного состояния вопроса.

В первой своей части (**Текстологические проблемы**) глава посвящена анализу проблем, связанных с современным состоянием текста КР и расхождениями между имеющимися рукописями. В § А (**Рукописные традиции и древние переводы**) описана еврейская рукописная традиция; затем греческий перевод и греческая рукописная традиция; латинский перевод и рукописи *Vetus Latina* и *Vulgata*; сирийский перевод КР и Таргум Рут. Никаких неожиданностей исследователями в рукописях не обнаружено.

В § Б (**Проблема единства текста**) мы поэтому обращаемся к по сути единственной текстологической проблеме изучения КР, а именно к проблеме аутентичности генеалогической коды. Проблема заключается в том, что за завершающим стихом КР 4:17 («Овид – отец Иессея, отца Давида») следуют стихи 4:18-22, рассказывающие родословную Давида, начиная с Фареса, сына Иуды. Одни исследователи, среди них такие авторитетные, как К. Вестерманн, считают генеалогическую коду избыточной, поскольку важнейшее сообщение о предках Давида уже сделано, и отрицают аутентичность коды, приписывая ее тем или другим редакторским соображениям. Другие, и среди них самые современные комментаторы (И. Фишер, А. Лакок) полагают, что заключительная родословная, сообщающая не о потомках, а о предках Овида, имеет другой смысл, и считают коду аутентичной. Мы присоединяемся к тем, кто видит органичность заключительной родословной, и добавляем некоторые свои аргументы.

В § В (**Место КР в канонах: структурно-каноническая проблематика**) обсуждается место, которое КР в разное время занимала в разных канонах и частях канонов. Достаточно ясно, что КР по своему символическому содержанию и интертекстуальным связям, которым мы во многом посвящаем данную работу, входит в корпус литературы мудрых. Но КР имеет внешнюю форму исторического сочинения и потому могла быть воспринята как историческая, и так и была воспринята частью традиции. Если современному исследователю ясно, что КР представляет собою отдельное самостоятельное произведение, то поколения иудеев и христиан, возможно, замечая

неповторимый характер КР, стремились найти ей место, а значит и понять ее роль как части Священного Писания. Сложность этой задачи отражена в исключительном многообразии попыток определить эту роль и это место.

Не ставя себе задачи обосновать хронологическое предшествование исторического или символического прочтения КР составителями канона и, соответственно, изначального места КР в каноне, мы отмечаем эти возможности ее интерпретации, отчетливо проявившиеся в переносе КР из одной части Танаха в другую, и, тем самым, молчаливо указавшие на важнейшую проблему истолкования этого произведения: история или вымысел, мессианский замысел или символический подтекст или то и другое?

Во второй своей части (**Проблемы толкования Книги Руфи**) обсуждаются проблемы еврейской и христианской экзегезы, а также современной библеистики. В § А (**Еврейская экзегеза**) описан эллинистический период толкования («Иудейские Древности» Иосифа Флавия): с нашей точки зрения в своем толковании Иосиф Флавий чрезвычайно уплощает КР, достаточно сказать, что Руфь у него не обращается в веру Израиля. Далее описываются Таргум и в особенности два подробных древних мидраша (Рут Рабба и Рут Зута), почти исключительно сосредоточенные на мессианском подтексте книги, т.е. на предвосхищении рождения Давида. Затем обрисована последующая средневековая еврейская экзегеза, которая уделяет много внимания месту КР в каноне в составе пяти праздничных свитков и также истолковывает все детали текста, которые можно, так или иначе, отнести к провозвестию рождения Давида. И мистическая экзегеза, представленная практически только одним разделом Зогара (*Мидраш Неелам*). В целом еврейская экзегеза КР не богата и не изобилует открытиями.

В § Б (**Христианская экзегеза**) отмечено присутствие Руфи в Новом Завете (в генеалогии Христа в начале Евангелия от Матфея (1:5)) и обусловленное этим присутствием неизбежное упоминание Руфи в патристической и средневековой экзегезе. В отношении христианской экзегезы основную проблему составляет ее поразительная бедность, даже на фоне скудной еврейской. В самую раннюю эпоху христианский комментарий беден потому, что наиболее яркие христианские писатели считали КР частью Книги Судей, понимали ее чисто исторически и интересовались ей лишь как историей о далеких предках Спасителя. А в более позднюю эпоху, когда КР занимает фиксированное и особое место в каноне, христианские комментаторы к ней не обращаются. Как правило, упоминания о ней исчерпываются констатацией ее присутствия в генеалогии Иисуса или какими-то соображениями о ее присутствии в генеалогии Давида и Христа. Возможно, это объясняется трудностью аллегорического толкования этой сугубо повествовательной книги.

Правда, в КР есть и не нуждающийся ни в какой аллегоризации нравственный смысл, но именно в нем, возможно, и заключалась трудность восприятия КР христианскими комментаторами. Христианским комментаторам казалось немыслимым признать, что отношения между Руфью, Ноеминью и Воозом отвечают духу Нагорной проповеди. Понятый всерьез нравственный урок КР разрушал одну из опор христианского учения об Израиле и Ветхом Завете. Урок КР не нуждался ни в восполнении, ни в замещении, поскольку проповедовал именно то, что считалось и считается исключительным признаком христианства – бескорыстную и жертвенную любовь к чужому. Поэтому, коль скоро КР нельзя было «отменить», выбросить из канона, и не удавалось перетолковать, ее по преимуществу игнорировали.

В § В (**Библистика и Книга Руфи**) мы вынуждены, поскольку история изучения КР еще не написана, дать краткий очерк ее исследования за истекшие два века. Затем мы более подробно останавливаемся на том, что принесла изучению КР вторая половина XX века, а именно: особенную удачу применения по отношению к ней литературного метода (М. Вайс, Я. Закович и, в самое последнее время, Т. Линафельт); плодотворность фольклористического подхода (Дж. Сассон, П. Милн и др.); и, разумеется, лавину феминистской критики (А.Бреннер, Ф. Ланди, Э. Фишер и мн. других).

Глава завершается описанием *communis opinio* и вопросов, остающихся спорными в том, что касается авторства, датировки, языка, происхождения и среды возникновения КР. Автор КР неизвестен. Нельзя вынести никакого суждения на этот счет, которое было бы основано на фактах. Так обстоит дело с большинством библейских повествовательных книг. Еврейская традиция считала автором Самуила, современные комментаторы называли в качестве автора, например, пророка Натана или пророчицу Ноадию, вскользь упомянутую в Неем 6:14 как противницу Неемии. Мы полагаем, что можно высказываться предположительно лишь о среде или круге, в котором было создано это произведение. Для того, чтобы строить об этом какие-либо предположения, необходимо поместить КР в определенный период.

Датировка КР в очень большой мере зависит от интерпретации общего смысла произведения и его места в историческом контексте. Тем не менее, в последние 30 лет датировка после пленным периодом явно преобладает.

Резюмируя вышесказанное, позволим себе сказать, что КР создана в Иерусалиме в после пленную эпоху, близко по времени к реформам Ездры-Неемии и в связи с ними, в кругу оппонентов и сотрудников Ездры, кем-то из *софрим мохрим* – буквально «быстрый (или умелый) писец», особый термин для знатока и толкователя Торы священнического происхождения (возможно, он принадлежал по рождению к кругу пророка Иезекииля).

Нам представляется, что полемики с какими-либо конкретными нормами или постановлениями как религиозного, так и юридического характера в КР нет. Нет также реставрационного подтекста. Поэтому кажутся неосновательными более детализированные поиски автора, среды, точной датировки и определенного общественно-политического или какого-либо другого подтекста.

В **выводах** к первой главе диссертации сказано, что анализ текстологических проблем привел нас к убеждению в изначальной аутентичности коды, а рассмотрение различных точек зрения на исходное место КР в каноне и истории ее перемещений привели к выводу о том, что колебания в определении ее места как внутри прежде всего еврейской традиции, так и в науке, отражают неповторимый и своеобразный характер этой книги. Она может вписываться в разные контексты и ни с одним не совпадает. В той мере, в какой помещение в канон отражает толкование КР как целого, еврейская, а следом и христианская традиции находили в КР признаки литературы мудрых, мидраша на исторические книги Танаха в форме исторического повествования о предках мессии, богослужебного текста для чтения на Пятидесятницу и др. Это еще раз говорит о несовпадении или неполном совпадении КР с основными жанрами Танаха, а по-нашему мнению и о том, что КР представляет собою новое для своего времени литературное явление.

Глава вторая. Книга Руфи в контексте Танаха: продолжение, согласие, полемика. В этой главе рассматриваются связи между КР и другими книгами Еврейской Библии.

В § А (Книга Руфи в генеалогическом и мессианском контексте) мы показываем, что КР завершает эсхатологической надеждой трагедию «Вифлеемской трилогии» (история о Михе и левите – Суд 18, о наложнице левита и гражданской войне – Суд 19-20, и КР), также КР отвечает требованиям генеалогического и мессианского мидраша на Бытие (Быт 18-19) и Паралепоменон (1 Пар 2:12).

В § Б (Книга Руфь и рассказы о хеседе) мы показываем, как КР подхватывает и развивает тему божественного *хеседа*, начатую книгой Осии и рассказами о Давиде и Сауле, Давиде и Ионафане и о других любящих Давида из 1-2 Царств.

В § В (Книга Руфи и литература мудрых: Иона, Иов, Притчи, Песнь Песней) выясняется, что КР множеством явных и неявных переключек, как словесных (с Притчами, Песней Песней), так и сюжетных и идейных (Иона, Иов) связана с другими сочинениями литературы мудрых, что и выявляет ее принадлежность к этому кругу.

В § Г (Книга Руфи и чужеземные жены: Книга Ездры и Неемии, виноградник Навуфея (3Цар 21)) мы предпринимаем сначала историческую, а затем литературную

реконструкцию ситуации, которая составляет политический и социальный подтекст КР. Не имея достаточно надежных исторических свидетельств, мы создаем гипотетичность такой реконструкции исторической ситуации в Иудее той эпохи, но, тем не менее, основываясь преимущественно на Книгах Ездры и Неемии, приходим к выводу, что автор КР был идейным противником Ездры и Неемии. Затем, переходя на почву литературного сопоставления, обнаруживаем в КР реминисценции и скрытую полемику с историей о винограднике Навуфея в 3 Царств. И, таким образом, приходим к выводу, что Руфь полемически противопоставлена Иезавели точно так же, как идея благословения брака с моавитянской противопоставлена запрету на браки с иноземками.

В выводах ко второй главе диссертации сообщается, что анализ связей КР с другими сочинениями Еврейской Библии показал ее глубокую укорененность в повествовательном мире Танаха и многообразие взаимодействий между нею и другими библейскими книгами.

Глава третья. Парадокс Книги Руфи. Глава посвящена анализу событийных, композиционных и стилистических парадоксов и закономерностей КР.

В первой части данной главы (**Парадоксы характеров и поступков**) в пяти небольших §§ (§А (Погибельное безумие: Елимелех); §Б (Искупительное безумие: Ноеминь); §В (Спасительное безумие: Руфь); §Г (Заразительное безумие: Вооз); §Д (Небесное безумие: Бог)) анализируется — с точки зрения, во-первых, общепринятого здравого смысла, во-вторых, взглядов и привычек людей той эпохи, насколько мы можем о них судить, — поведение и нравы всех главных героев повести. Мы приходим к выводу, что за обманчиво будничным тоном повествования о житейских, семейных обстоятельствах скрывается рассказ о небывалых человеческих отношениях. Через эти отношения, как нам представляется, автор КР выражает центральную мысль своего сочинения. Эти отношения воплощают премудрость и учат *хеседу*.

Во второй части третьей главы (**Парадоксы композиции и стиля**) мы рассказываем о наблюдениях над некоторыми закономерностями и особенностями структуры и лексики КР.

В §А (**Закономерности композиции**) представлен анализ симметрии системы персонажей КР. Каждый персонаж имеет двойника и замещает другого. Впрочем, примечательно, что Руфь и Ноеминь не замещают друг друга, но только дополняют. Мы также прослеживаем особенности многоуровневого параллелизма и хиазма в КР. Анализ концентрического хиазма в структуре КР: между Вифлеемом и Вифлеемом, между двумя посещениями Божиими, между Ноеминью и Ноеминью, показывает, что центр хиазма выражает основную мысль автора КР не в одной, не в двух и не в нескольких точках, а в

напряжении между ними. Божественный Промысел проявляется не в отдельной человеческой судьбе и даже не в судьбе рода, пусть это будет род Давида. Промысел воплощается в отношениях между людьми, не связанными родовой неизбежностью.

Таким образом, гармоническая композиционная структура книги выражает и подчеркивает ее основное содержание.

В § Б (**Особенности стиля: простое и редкое**) рассмотрены поэтическая лексика, которую в данном случае автор КР применяет в прозе; необычное использование им самых обычных слов. Детальный анализ всех имен собственных обнаруживает, что все до одного они говорящие, хотя этимология этих имен может быть спорной, выражающие авторское отношение к персонажу, и при этом – уникальные: помимо КР они нигде в Танахе не встречаются.

Стилистический принцип «простое исключительное» конституирует КР в самых разных аспектах. Это касается даже грамматических форм – нетипичного употребления самых распространенных предлогов, а также и в более широком смысле: все герои Танаха в прямой речи используют все временные формы, но Руфь от начала и до конца говорит только в будущем времени. Тем самым, автор, не говоря о ней ничего, не давая ей никаких характеристик «от себя», помещает ее в мессианский контекст. Далее, в КР всего три *haraх'a*, но очень много «раритетов». Мы называем эту группу так, чтобы отличить от редких слов, которых, почти нет, ибо под «редкими» мы имеем в виду слова темные, неясной семантики. А «раритетами» мы называем здесь слова совершенно понятные по внутренней форме, но по какой-то причине неупотребительные, причем примерно половина из этих 22 раритетов встречается за пределами КР еще только один раз. Все это, а также использование арамеизмов в литературном и правильном иврите КР и частое использование поэтизмов в прозаическом тексте, дополняет изысканную простоту стиля КР особой неожиданностью и поэтичностью.

В выводах к третьей главе сказано, что наблюдения над системой персонажей, композицией и стилем КР привели нас к обнаружению основного композиционного и стилистического принципа КР, а именно — «*простое исключительное*».

Четвертая глава. «Сказка о двух вдовах», которой нет. Глава посвящена анализу глубинных мифологических мотивов и фольклорных элементов, представленных в КР, а также ее связи с нарождающейся мистикой мудрых. Сравнительный материал привлекается из мирового фольклора, а не только из того фольклора, который засвидетельствован в Палестине. Мы исходим из того, что фольклорный мотив, засвидетельствованный в одной культуре и обнаруженный в письменном тексте другой,

позволяет говорить о существовании такого мотива в устной традиции той культуры, к которой принадлежит наш письменный текст.

В § 4 (Книга Руфи и фольклор) мы пытаемся решить вопрос о том, к чему ближе КР – к сказке или к эпосу, и приходим к выводу, что хотя некоторые элементы «эпоса о подвигах друзей» (например, «Эпос о Гильгамеше») в ней усмотреть можно, она все же значительно ближе к волшебной сказке. Прежде чем, рассмотреть собственно сказочные мотивы в КР, мы указываем на наличие в ней элементов новогоднего ритуала и связанных с ним мифов, например, угаритского мифа о Карату. Затем мы находим в КР сюжетную близость к сказочному преданию о чудесной жене (на примере шотландской легенды о Деве Озера и подобных). Далее мы анализируем КР как «настоящую» волшебную сказку о невесте, ищущей жениха (на примере сказок о Черном быке Нарроуэйском, Финисте-Ясном Соколе или о Василисе Прекрасной). Затем переходим к выяснению того, почему, обладая всеми структурными элементами сказки, КР все же сказкой не является, и приходим к выводу, что ее основной сюжет – *удочерение*, и такого сюжета – удочерение одной одинокой вдовой другой одинокой вдовы – в сказочном репертуаре нет.

Итак, если пытаться найти ритуально-мифологические основы КР, то это будут элементы новогоднего ритуала и чудесного рождения героя богиней девой-матерью, элементы разнообразных мифов о нарушении запрета и о проклятии. Если хотеть увидеть в ней сказку, мы обнаружим в ней три полноправных и равноценных сюжета волшебной сказки: о восстановлении утраченного с помощью волшебного помощника, о падчерице, которой помогает Баба Яга, и о чудесной жене.

Притом последний мотив обратим, потому что не только Руфь для Вооза является существом иного мира – чудесной женой, но и Вооз для Руфи – существом иного мира, чудесным мужем, так что здесь, говоря условно, к сказке о Василисе Прекрасной добавляется сказка о Финисте Ясном Соколе. Совмещение трех сказок удается благодаря многообразному обыгрыванию функции чудесного помощника. Для Ноемини Руфь представляет собой классического универсального, как сказал бы Пропп, чудесного помощника, то есть коня, а Вооз – дарителя. Для Руфи Ноеминь осуществляет функции чудесного советчика – Бабы Яги, старухи, а Вооз – чудесного жениха. Для Вооза Руфь является чудесной женой из иного мира и матерью чудесного сына, а Ноеминь – медиатором, делающим встречу с иным миром возможной. Наконец, для всех троих новорожденный Овид является чудесным ребенком, возрожденным предком и героем-спасителем. Если же хотеть усмотреть в этих мотивах или за ними общий мистический

смысл символической повести, то он в том, что, как сказала Ланди, «каждый из них — Господь для другого»¹³.

Хотя мы приложили усилия к тому, чтобы описать КР как сказку и даже «сказку сказок», все-таки приходится признать, что основная тема КР — отношения Руфи и Ноемини — не вполне укладывается в схему взаимоотношений героя с волшебным помощником, будь они даже такие неожиданными, как взаимная симпатия Василисы и Бабы Яги. Архетип *удочерения*, к которому сводится сюжетная основа КР, по-видимому, представляет собой результат встречи вдохновенного замысла автора с вышеуказанными фольклорными мотивами. Создатель сказки о двух вдовах, как нам кажется, не только обогатил мировой тезаурус сказочных сюжетов, но и предложил литературе новый образец.

Итак, КР в качестве гениального литературного произведения вводит в обиход мировой культуры новый (уже не мифологический, а литературный) «архетип» — *удочерение*, который в свою очередь начинает излучать в иудейской, а затем и христианской культуре образ безусловной любви. Но уже на фольклорном уровне мотив «удочерения» сближается с темой Премудрости.

В § Б (Книга Руфи и мистика: от Василисы Премудрой к Премудрости) мы анализируем отношения между образом добродетельной жены из заключительного гимна книги Притч (31:10-31) и женскими персонажами КР, а также образы Премудрости, нянчащей человека (Притч 1-9); Премудрости-невесты, разыскивающей и спасающей человека (Притч 1-9; Песнь Песней 3,5); и образ блудницы, или чужой жены (Притч 1-9) в сопоставлении с древнейшим архетипом Девы-матери и КР.

Мы пришли к парадоксу или аномалии *удочерения*. Это нас заставило видеть за всеми этими парадоксами некое единое объяснение. Мифу не нужно объяснения, но при переносе мифа в литературу или трансформации мифических сюжетов в литературный сюжет объяснение все-таки становится нужным, потому что мифическая логика здесь уже не работает. Нужны какие-то более внятные и привычные резоны. Мы показали, что таких объяснений мы не обнаруживаем. Вместо этого мифическая логика переходит сразу в мистическую. В КР содержатся элементы сказки, мифа, новеллы, духовной повести, и так из них образуется символическое сочинение — *символическая повесть*.

В **выводах** к четвертой главе сообщается, что принцип «*простое редкое*» сохраняет свою силу на идейном и даже глубинно мифологическом уровне проникновения в эту повесть. Несмотря на то, что в ней присутствуют элементы

¹³ Landy, Francis. Ruth and the Romance of Realism, or Deconstructing History // Journal of the American Academy of Religion. - 62 1994. - P. 303.

новогоднего ритуала и мифа о Деве-матери, и на то, что КР структурно весьма похожа на волшебную сказку, она все-таки представляет собою исключение, поскольку является несуществующей «сказкой» об удочеренной вдове, т.е. именно не сказкой, а *символической повестью*.

Уже на фольклорном уровне мотив *удочерения* сближается с темой Премудрости.

Это понятие появляется в библейской литературе Премудрости в глубокой древности, в частности в самых древних частях Книги Притч, но на первый план в размышлениях израильских мудрецов выходит в послевоенную эпоху. К этому времени и к этому кругу, как мы показали, относится и КР: сквозь Руфь, Ноеминь, Вооза и в особенности через отношения между ними, просвечивает Премудрость.

Пятая глава. Книга Руфи как контекст литературы Второго храма. Данная глава представляет собой попытку, разумеется, только в качестве гипотезы, рассмотреть КР как своего рода порождающую модель, или, по крайней мере, как сочинение влиятельное для всех романоподобных, или, по терминологии Э. Биккермана «странных» книг Греческой Библии.

В § А (**Святое семейство: Руфь и Товит**) мы показываем, что вероятно книга Товита отзывается на «счастливую» сказочность КР, но если КР – это «сказка, которой нет», Товит – это просто назидательная сказка.

В § Б (**Спасение через жену: Руфь и Греческая Есфирь**) рассматривается, каким образом книга Есфирь подхватывает начатую КР тему женского героизма, но упрощает художественную задачу КР, имитируя более известный жанр исторического сочинения.

В § В (**Жена как спасение: Руфь и «Иосиф и Асенет»**) мы сопоставляем КР не с частью Священного Писания, а с апокрифом. Греческий апокриф «Иосиф и Асенет», на наш взгляд, наиболее близко подходит к КР, улавливая и продолжая не ее сюжетные ходы, а ее мистический подтекст. Это тоже история о премудрости, это тоже история о любви как обращении.

В § Г (**Невестка и вдова: Руфь маовитянка и Иудифь иудейка**) мы говорим о том, как Книга Иудифь, напротив, возражает КР, рассказывая тоже несомненно вымышленную притчеобразную историю не о маовитянке, а о еврейке *par excellence*, которую так и зовут Иудифь, т.е. Иудейка.

Итак, мы показываем, что КР — это образец для произведения вымышленного, новеллистического или «романного» характера, который возникает в форме комментария (мидраша) на тексты Танаха. В каждом из этих сочинений содержится религиозный и учительный смысл, который, однако, не может быть изъят и добавлен, как мораль или предписание. Тем самым эти писатели оказались в необходимости создать героев и

ситуации правдоподобные, но означающие не только то, что они сообщают фактически. Нам представляется, что тому, как это наилучшим образом сделать, их научила КР. Таким образом, первая символическая повесть, содержащаяся в Библии, побудила писателей Второго Храма к сочинению своих собственных, а от встречи их с греческой культурой родилась художественная проза.

В **выводах** к пятой главе сообщается, что КР оказала влияние на ряд сочинений эпохи Второго Храма, в основном входящих в состав Греческой Библии. Мы имеем в виду те из «странных» книг, в которых, как и в «Иосиф и Асenet», в центре находится женский персонаж. Данное влияние имело далеко идущие последствия и сказалось в возникновении европейской повествовательной прозы.

В **Заключении** представлены основные выводы проведенного исследования (мы не повторяем здесь выводов, относящихся ко всем пяти главам диссертации, и завершаем общими выводами из заключения нашего исследования).

Проведенное исследование доказывает теоретическую возможность изучения библейского текста, в нашем случае КР, в рамках историко-культурного анализа возникновения и становления повествовательного искусства. Анализ КР приводит нас к тому, что в идейном и содержательном центре этого сочинения находится *хесед*. Автор КР верит, что *хесед* – это основная божественная характеристика, то свойство или «лицо» Бога, которым он обращен к миру, и он верит в божественное начало *хесед*а в отношениях между людьми. *Хесед* не отменяет заповедей, он их диктует, и, если они ему противоречат, он их поглощает. Однако эти формулируемые рационально богословские убеждения автора КР, как нам кажется, вытекают из его религиозной интуиции: он верит, что «лицо», которым Бог обращен к миру и которое источает *хесед*, – это женское лицо, Премудрость, помощница Бога, мать, сестра и невеста человека. Бог премудр, но премудр может быть и человек, Премудрость их роднит, и, как нам кажется, историю о том, как это происходит, автор рассказывает в КР.

КР должна была вобрать в себя миф, мистику, быт, политику, а в результате и сама оказалась разъяснением (мидрашом) и требует объяснения на той же глубине. Основной предмет этого сочинения невыразим, хотя может быть назван или изображен в религиозном гимне или художественном сочинении. Но он не может быть адекватно пересказан в виде идеи. Один из ученых, посвятивших себя преимущественно изучению КР, Бити, в споре с Сассоном косвенно назвал эту особенность КР: возражая Сассону по частным поводам, Бити на разные лады повторяет одну мысль или, скорее, высказывает одно убеждение: в КР присутствует огромная недосказанность. Обладая фольклорными амплуа, герои к ним не сводятся. В одной работе он особенно подчеркивает

недосказанность и глубину в отношениях Ноемнии и Руфи, а в другой он с некоей, можно даже сказать, торжественностью заявляет, что неясность в вопросе о том, когда же был заключен брак между Воозом и Руфью — в третьей главе (на гумне) или в четвертой (публично) — происходит не от недостатка чьих-либо знаний или комментаторской несообразительности, а имманентна произведению и останется навсегда¹⁴. Поэтому тот, кто стремится разъяснить его или продолжить, необходимым образом будет действовать по той же модели.

Итак, в заключение мы вынуждены заявить, что предметом или содержанием художественной литературы, во всяком случае европейской прозы, является отношение — и не всякое, а необъяснимое из материальных, психологических или даже логических причин и оснований. Таким невыразимым является *hesed*, но это не единственное невыразимое в человеческом мире, чем и будет заниматься мировая литература. Скажем так: развитие мировой литературы происходит следующим образом: миф, который ни в чем не нуждается, не развивается и не объясняется, а равен себе и все в себе содержит, разрастается и, не покидая себя, превращается в мистику. В Василисе трудно увидеть Премудрость, а в Премудрости увидеть Василису Премудрую уже не так трудно. Живая богословская мысль, не теряя, может быть, уже почти неразличимого мифического зерна и мистической глубины, расширяется в направлении терминологической отчетливости — доктринальности; для Осии его жена еще только намек на то, что он не должен оставить жену, как Бог не оставляет Израиль. Автор КР делает из уникального случая доктринальные выводы: нельзя изгнать чужеземных жен, а то останемся без царя Давида. Носитель нетривиальной богословской доктрины, заряженной мистическим вдохновением, несущим в себе мифический образ, легко убеждается, что лучший способ эту идею рассказать — сочинить рассказ о событиях Священной истории, то есть агадический мидраш. Таковы КР, Иона, Песнь Песней, Иов. Мидраш, попадая к читателю, который не живет теми же насущными религиозными интересами или конкретной проблемой, которую необходимо решить, превращается в занимательную историю. КР не превращается в занимательную историю, быть может, благодаря своему статусу библейской книги.

Другая символическая повесть «Йосиф и Асенет», которая по своему статусу оставалась вне какого-либо канона, выпала из своего исторического контекста и стала в европейской истории благочестивой сказкой о библейских персонажах. Прочитанная человеком, живущим вне библейской культуры, незнакомым с мифом, культом и

¹⁴ Beattie, Derek Robert George. Redemption in Ruth, and related matters: a response to Jack M. Sasson // JSOT, 3 (1978). — P. 65-68; Beattie, Derek Robert George. Ruth III // JSOT, 5 (1978). — P. 39-48.

религиозной доктриной автора «Иосиф и Асенет», она оказалась историей о возвышенной любви и, возможно, дала толчок первым прозаическим историям об идеальной любви. То невыразимое, которому в значительной степени посвящена эта повесть, – преобразование невесты в Премудрость, а жениха в Мессию – было полностью сокрыто от греческих читателей и писателей. Но вдохновение, одушевляющее повесть и движущее ею, они передали нарождающейся повествовательной прозе с ее парадоксальной задачей рассказать то, что нельзя пересказать. Таким образом, невыразимым, стоящим в центре произведения стала для них любовь идеальных жениха и невесты, их разлука и встреча. Нет нужды доказывать, что впоследствии это сделалось основной темой сначала античного, а затем и европейского романа. Вглядываясь в «Капитанскую дочку», мы различим в ней сначала рассказ об идеальной паре, затем сложное соотношение между этой идеальной парой и основными христианскими символами и богословскую доктрину, следуя которой действуют герои, которые о ней ничего не говорят, и атмосферу *heseda*, которой исполнены все отношения не только Пугачева и Гринева, но почти всех героев, и мистический ореол Премудрости, окружающий добрую Марью Ивановну, и, наконец, Деву-Мать Исиду, разыскивающую и воскрешающую Осириса.

Миф живет архетипом, сказка варьирует миф, литература пользуется мифом, а гениальная литература создает архетип, которого не было. Под *вторичным архетипом* мы имеем в виду не мифологический смысловой сгусток, а порожденный авторской волей образ, который затем сам служит своего рода архетипом для следующего этапа художественного творчества.

К диссертационному исследованию имеются два **Приложения**.

Приложение 1 (Текст Книги Руфи по Квинте (Пятому изданию *Biblia Hebraica*, перевод) представляет собой текст КР по пятому изданию *Biblia Hebraica* и наш перевод.

Приложение 2 (Аналитический комментарий) содержит наш аналитический комментарий на КР в размере 4,5 п.л.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Жизнь и мученичество святых мучеников Галактиона и Эпистимы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий. - Вестник Древней истории. – 2009 – № 3. – С. 210-235, 2,6 п.л. (в соавторстве, участие 0,5 п.л.).
2. "Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio". – Вестник Древней истории. – 2010. – № 1. – С. 241-266, 2, 5 п.л., (в соавторстве участие 0,5 п.л.).
3. "Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio". – Вестник Древней истории. – 2010. – № 2. – С. 232-250, 1,75 п.л. (в соавторстве, участие 0,6 п.л.).
4. Книга Руфь и проблема чужеземных жен: историческая и литературная реконструкция // Вестник РГГУ. – Серия "Культурология. Искусствоведение. Музеология". – М.: РГГУ. – 2010. – № 15. – 1 п.л. (в печати).
5. Женский аспект Книги Руфи и феминистская критика. Обзор // Культурология. Дайджест: аналитическая информация. – 2010. – № 3. – С. 49- 64, 0,6 п.л.
6. Иоаким: историческое лицо и персонаж // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 21–23 июня 2010 г. Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 0,8 п.л. (в соавторстве с Н.В. Брагинской, участие 0,4 п.л.)
7. Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 21–23 июня 2010 г. Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 0,3 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

8. Книга Руфь. Глава первая / Комментированный перевод Шмаиной-Великановой А.И. // Классика... и не только. – М.: Изд. РГГУ, 2010. – С. 425-457, 1, 75 п.л. (Orientale et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII).
9. Книга Руфь. Перевод и краткий комментарий А. И. Шмаиной-Великановой // Дар и крест. Памяти Н. Трауберг. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха. – 2010. – С. 201-252, 2, 3 п.л.
10. Предпосылки возникновения концепции брака в иудаизме: Книга пророка Осии и Книга Руфь // Православное учение о церковных таинствах. - V Международная богословская конференция Русской Православной Церкви 13-16 ноября 2007. – М.: Синодальная библейско-богословская комиссия. – 2009. – Т. 3. – С. 48-55, 0,4 п.л. [Электронный доступ:] http://theolcom.ru/doc/sacradoc/6_03_Shmaina-Velikanova.pdf.
11. Эллинистическая проза в сравнительном освещении: роман, деяния и агада // Аспирантура РГГУ : образовательные программы : филологические науки / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Упр. аспирантурой и докторантурой. – М. : РГГУ. – 2006. – С. 275-296, 2, 25 п.л. (в соавторстве, участие 0,75).
12. Некоторые особенности раввинистического комментария: опыт прочтения «Песни Песней» // Мировое древо=Arbor mundi. – Изд. РГГУ. – 2007. – № 14. – С. 77-89, 0,75 п.л.
13. Четыре стороны сота. // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В.Подосинова. / под редакцией Т.М.Джаксон, И.Г. Коноваловой, Т.В. Цецхадзе. – М. : Университет Дмитрия Пожарского. – 2010. - С. 71-88, 1,2 п.л., (в соавторстве участие 0,4 п.л.).
14. "Хесед: о повседневной святости в учении митрополита Антония" // "Духовное наследие митрополита Антония Сурожского. Материалы первой международной

- конференции. – М.: Фонд "Духовное наследие митрополита Антония Сурожского. Библиотека-фонд "Русское зарубежье". – 2008. – С. 69-81, 0.4 п.л.
15. Хесед как солидарность между чужими // Материалы Международной конференции «Христианская соборность и общественная солидарность» (Москва, 16–18 августа 2007 г.). – М.: СФИ (Преображенское СМБ). – С. 121-129. 0.4 п.л.
16. Был ли крест на медовом соте? // *Arbor mundi. Arbor mundi*. Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Выпуск 16 М. РГГУ 2010. – 2.5 п.л. (в соавторстве, участие 0.8 п.л.).

ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА Анна Ильинична

КНИГА РУФИ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Подписано в печать 12.05.2010. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,4
Тираж 100 экз. Заказ № 374
Отпечатано в Печатно-множительной лаборатории РГТУ
125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д.6